

вестно носителям языка; они зафиксированы в лексикографических источниках и характеризуются устойчивостью написания и произношения. К ним можно отнести такие лексические единицы, как *angel*, *behemoth*, *guru*, *tach*, *mafia* и др. Степень их ассимилированности достаточно велика в сравнении с другими экзотизмами нашего материала.

Таким образом, будучи широко представленной в языке печатных средств, экзотическая лексика является важной стилиевой чертой газетно-публицистического стиля современного английского языка.

Литература

1. Тер-Минасова, С. Т. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков / С. Т. Тер-Минасова. – М., 2006. – 132 с.

Лингвостилистические особенности политического дискурса

*Зданевич К. В., студ. V к. БрГУ им. А. С. Пушкина,
науч. рук. Ильичева И. Л., канд. филол. наук, доц.*

В последнее время в мире отмечается стремительный рост интереса к изучению языка СМИ со стороны представителей разных научных дисциплин — лингвистов, социологов, психологов, исследователей массовой коммуникации. Многие термины, используемые в лингвистике речи, прагмалингвистике, психолингвистике, социолингвистике и лингвокультурологии, трактуются неоднозначно. К их числу относится такое понятие, как «дискурс». Понятия «политическая коммуникация» и «политический дискурс» неразрывно связаны друг с другом.

Политическая коммуникация выступает как особый вид политических отношений, посредством которого доминирующие в политике субъекты регулируют производство и распространение общественно-политических идей своего времени [3]. Политическая коммуникация имеет свой собственный, особый язык — так называемый язык власти, или политический дискурс.

Прежде чем перейти к анализу понятия «политический дискурс», необходимо рассмотреть понятие «дискурс». Т. Б. Рябова приводит различные определения дискурса. В широком смысле, по ее мнению, дискурсом называют язык, который используется в рамках определенной области. Выделяют разные дискурсы, каждый из которых является специфическим способом интерпретации социального и имеет свои ключевые понятия. В узком смысле дискурсом обозначают связный текст, содержащий относительно ограни-

ченный набор утверждений, который исходит из определенных посылок и для которого характерна внутренняя логика [5].

Дискурс может быть не только способом рассуждения, но и путем репрезентации объектов и тем с определенных позиций. Важная характеристика дискурса заключается в том, что он используется для конструирования социальных значений.

Политический дискурс представляет собой способ толкования социальной реальности в ключевых терминах политики (прежде всего, власти). Политический дискурс представляет собой определенный вид практической речевой деятельности, структурированный соответствующими текстами (понятиями, концептами) и обслуживающий политические процессы [3]. Он характеризуется особым словарем (запасом относящихся к данной предметной области слов и выражений), смысловыми связями между отдельными политическими концептами, базовыми абстракциями и метафорами, типовыми контекстами словоупотребления, построением суждений.

В политическом дискурсе значимый статус приобретает сама фигура политика и определенные поведенческие моменты. Политический дискурс является выражением всего комплекса взаимоотношений между человеком и обществом и, таким образом, влияет на формирование у реципиентов картины мира.

Политический дискурс представляет мир политики, в который входят ораторские выступления, посвященные политике, официальные тексты на политическую тему, постановления, указы, законы, научные политологические статьи, газетно-публицистические тексты. Каждая из этих разновидностей политического дискурса имеет свои цели.

Специалисты разграничивают, прежде всего, институциональный политический дискурс, в рамках которого используются только тексты, созданные политиками (парламентские стенограммы, политические документы, публичные выступления, интервью политических лидеров и др.), и политический дискурс СМИ, в рамках которого преимущественно тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, Интернета [3]. К периферии политического дискурса относится аппаратная коммуникация (инструкции, правила поведения для сотрудников, приказы и распоряжения и др.), тексты, созданные людьми, не являющимися профессиональными политиками или журналистами, а эпизодически участвующими в политической коммуникации (разного рода письма и обращения, адресованные политикам или государственным учреждениям, анекдоты, бытовые разговоры, связанные с политическими проблемами и др.), тексты, в которых используются элементы художественного повествования (политические детективы, мемуары).

Современная политическая лингвистика зарождалась уже в античной риторике, проблемами политического красноречия активно занимались уже

в Древней Греции и Риме. Дальнейшее развитие политическая лингвистика получила вместе с развитием демократии в Западной Европе и Северной Америке.

Среди первых ярких примеров в данной области можно назвать труды Карнеги и Сопера, в которых рассмотрено множество конкретных выступлений и публикаций, а также предложены достаточно эффективные рекомендации.

Важное место в политической лингвистике занимает французская школа анализа дискурса (Ж. Дюбуа, Ж.-Ж. Куртин, М. Пеше, М. Фуко и др.). Предмет исследования во французской школе анализа дискурса — это не отдельный текст, а множество текстов с учетом их исторической, социальной и интеллектуальной направленности, с учетом их взаимосвязей с другими текстами и с учетом институционных рамок, которые накладывают значительные ограничения на акты высказывания. При этом учитывается не только содержание текста, но и интенции автора, не только то, что сказано, но и то, что не сказано [1].

Особенно активно зарубежные исследования политической коммуникации развиваются в конце XX – начале XXI вв. Сфера научных интересов новой науки расширяется за счет включения в анализ новых аспектов взаимодействия языка, власти и общества (дискурс терроризма, дискурс «нового мирового порядка», политкорректность, социальная толерантность, социальная коммуникация в традиционном обществе, фундаменталистский дискурс и др.).

В зависимости от поставленных задач и имеющегося текстового материала специалисты выбирают тот или иной аспект изучения политической коммуникации.

Если взять во внимание исследование языковых, текстовых или дискурсивных феноменов, в первом случае предметом внимания становится использование единиц, относящихся к тому или иному языковому уровню (лексика, фразеология, морфология, синтаксис). Наиболее заметны изменения в лексике и фразеологии. Каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой «перестройке», создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы [1].

Во втором случае предметом исследования становятся текстовые единицы. Лингвополитические исследования посвящены анализу настенных надписей, лозунгов, предвыборной полемики, политического скандала. Специально рассматриваются жанры протеста, поддержки, рационально-аналитические и аналитико-статистические жанры, юмористические жанры и виртуально ориентированные низкие жанры.

В третьем случае единицами исследования становятся коммуникативные стратегии и тактики. В рамках данного направления анализируется комму-

никативное поведение субъектов политической деятельности. Современные политические лидеры, стремясь добиться успеха у избирателей, нередко используют своего рода «речевые маски». Речевое поведение в значительной степени зависит от социально-коммуникативной роли политика, которая в свою очередь зависит от его социального статуса, от используемых стратегий, тактик и речевых приемов.

При исследовании функционирования языка в политическом дискурсе с неизбежностью встают две проблемы — *язык власти* и *власть языка*. Различаются они, как нам кажется, следующими параметрами: *язык власти* — языковые средства и приемы, которыми пользуется нынешняя власть, и это предмет исследования «чистой» лингвистики. А *власть языка* — то, как воздействуют на массовое сознание эти языковые средства и приемы, — должна исследоваться политической лингвистикой.

Анализ практического материала показывает, что характерной особенностью русских политических речей является широкое употребление метафор, которые построены преимущественно на военной лексике: *битва за избирателя, информационная война, атака на демократию, дипломатические битвы*.

Значительное место в семиотическом пространстве политического дискурса занимает афористика, которая фиксирует в своей семантике обширный пласт знаний. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомаров включают в число языковых афоризмов следующие типы единиц: 1) пословицы и поговорки; 2) крылатые слова — «краткие цитаты, образные выражения, изречения исторических лиц»; 3) призывы, девизы, лозунги; 4) общественно-научные формулы и естественнонаучные формулировки [2, С. 71].

Политическая афористика — это языковые рефлексy политическoй коммуникации. Она относится к ориентирующим знакам, по которым политик опознается в дискурсе. Отличительные черты афоризмов — новизна, оригинальность мысли, доминирование субъективности, агитационный «подтекст», лесть, манипулятивность, что дает политическому дискурсу магию воздействия на слушателя благодаря своему «внешнему оформлению и внутреннему содержанию».

Необходимо отметить, что наличие собственного набора афоризмов оказывает на соответствующую компетентность говорящего, его социальный статус, уровень образованности и эрудированности и, соответственно, может существенно влиять на мнение слушателя о нем, желание занять сторону этого политического деятеля.

Таким образом, представляется возможным сделать выводы, что политический дискурс можно рассматривать как речевые образования (устные или письменные), затрагивающие сферы политики, реализуемые вербально и экстравербально за счет лингвостилистических особенностей.

Литература

1. Будаев, А. В. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособ. / А. В. Будаев, А. П. Чудинов. – 2006. – 252 с.
2. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд. – М., 1990.
3. Ирхин, Ю. В. Политология : учеб. / Ю. В. Ирхин, В. Д. Зотов, Л. В. Зотова. – М., 2002. – 308 с.
4. Маслова, В. А. Политический дискурс : языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. – Вып. 1 (24). – Екатеринбург, 2008. – С. 43–48.
5. Рябова, Т. Б. Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // Личность. Культура. Общество. – М., 2010. Т. VIII. Вып. 4 (32). – С. 307–320.

К вопросу об обосновании психологической структуры феномена патриотизма

*Кишеев И. Л., асп. БарГУ,
науч. рук. Грицевич Т. Д., канд. психол. наук, доц.*

В отечественной психологии проблема патриотизма до последнего времени не ставилась и не является традиционной. Патриотизм выступал объектом изучения ряда таких наук, как: история, этнология, социология, политология. Но это не означает, что психологи вообще не проявляли никакого интереса к ее изучению.

Отправной точкой для осмысления исследования психологического наполнения содержания патриотизма, а также выявления его структуры в данной работе выступила точка зрения Н. В. Ипполитовой об «усилении взаимосвязи личностной значимости патриотизма и его коллективистического характера» [1, С. 8].

По своей сущности понятие патриотизм имеет социально-психологическую природу. Психологические закономерности функционирования патриотизма, в зависимости от масштаба проявления, вскрываются на индивидуально-личностном и социально-психологическом уровнях. Психологический уровень патриотизма является его основой, фундаментом, от прочности которого зависит возможность возведения теоретической надстройки [2].

На уровне *отдельного человека* патриотизм может быть рассмотрен как один из компонентов его личностной подструктуры, и отнесен к области устойчивых личностных особенностей, и представлять личностную позицию индивида, выражать его мировоззрение. *Социальное проявление* в данном феномене связано со средой обитания, с ее влиянием и воздействием